

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

ДО И ПОСЛЕ

ТАРИЗЛ
ЦХВАРАДZE

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц91

*В оформлении обложки использовано фото
Валентины Костюхиной*

Цхварадзе, Тариэл.

Ц91 До и после / Тариэл Цхварадзе. — Москва :
Эксмо, 2020. — 320 с. — (До и после. Невероятная
история).

ISBN 978-5-04-110464-1

Судьба жестоко сыграла с Георгием Мгеладзе. Бесшабашный молодой человек, не знающий ни страха, ни сомнений, с легкостью ввязывался в опасные криминальные авантюры, был осужден, получил срок. Выйдя на свободу, своим правилам не изменил. Снова – авантюры, риск, легкие деньги. Снова суд и новый срок. Он попадает из зоны в зону, становится авторитетом, строго следует воровским законам и, как велят «понятия», бережет свою честь.

И вдруг – все кардинально меняется...

Эта история в самом деле невероятная. Как будто Всевышний переключил тумблер в его сердце, оградил от бесконечных бед и грехов и указал путь к спасению. Иначе как Божьим промыслом такое не назовешь...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Цхварадзе Т., 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110464-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ИЛЛЮЗИЯ

В сутках тысяча четыреста сорок долгих минут, мне же нравятся только первые тридцать после пробуждения. Утренний кофе, сигареты, поцелуй и нежное «С добрым утром» от жены не могут не радовать. Остальное время проходит изо дня в день нудно, под копирку. Пишу все меньше и все больше играю в покер. С приходом ночи часами думаю о бессмысленности существования и только под утро с трудом засыпаю.

Через несколько месяцев мне исполнится шестьдесят. Круглая дата. Союз писателей наверняка устроит творческий вечер, организует стол в ресторане, за которым друзья-коллеги будут произносить дежурно-хвалебные тосты. Председатель вручит диплом и памятный подарок в виде иконы Богородицы или Георгия Победоносца.

Возникнет иллюзия собственной значимости, но уже через несколько дней опять накроет тоска. Конечно, удачно написанное стихотворение приободряет, вселяя некую надежду на то, что — не все зря, но из сотен текстов с трудом наберется десяток действительно чего-то стоящих. Хочется забыться, на некоторое время отключить работу мозга. Оттого и пью.

Но, странное дело, алкоголь не расслабляет, а лишь усиливает мысль о том, что жизнь, казавшаяся такой насыщенной, на самом деле ничего не стоит...

ГЛАВА 2

Встреча в автобусе

27 марта 1953 г. на момент выхода указа «Об амнистии», положившего начало массовому освобождению сотен тысяч заключенных из сталинского ГУЛАГа, Владимир успел отсидеть двенадцать из двадцати пяти приговоренных.

По возвращении из далекой Колымы в Грузию ему было запрещено жить в столице и работать по специальности. О дипломе юриста, полученном еще до войны, можно было забыть навсегда. Выбора не было — пришлось податься в небольшой шахтерский городок Ткварчели. Трудоустроился на одной из шести шахт и стал добывать уголек на благо великой Родины.

Городок этот отстроили пленные немцы. Располагался он на двух горных плато. Нижнее, оттого что на нем были сосредоточены все промышленные объекты, выглядело уныло-серым. Верхнее же радовало трехэтажными домами европейской архитектуры, огромным Домом культуры и чудесным парком. Оба плато соединялись автомобильной и канатной дорогой. Была и пешеходная лестница, бегущая вниз через субтропическую зелень.

В общем, работай и живи себе спокойно. Однако мысль о реабилитации ни на минуту не покидала

Владимира. Всю жизнь носить клеймо «врага народа» занятие не из приятных.

За время отсидки многие из его сокурсников успели сделать карьеру и теперь занимали солидные должности в прокуратуре. Можно было попытаться использовать старые связи и ускорить процесс погашения судимости. После чего открывались совсем другие перспективы на будущую жизнь.

Вот и решил он съездить в Тбилиси на встречу с одним из влиятельных друзей. Автобус, который вез его к железнодорожной станции, был набит пассажирами под завязку. На очередной остановке в него втиснулась женщина. Мужчины, восхищенные ее красотой, расступились, предоставив узкий коридор. Она с высоко поднятой головой прошла внутрь автобуса и остановилась перед сиденьем, на котором находился Владимир. Он незамедлительно привстал и галантно уступил место даме.

На вид ей было лет тридцать. Яркое крепдешиновое платье ладно сидело на точеной фигуре. Русые волосы, заплетенные в косу, аккуратно уложенную на затылке, придавали женщине особую царскую стать. С интересом рассматривая попутчицу, Владимир заметил на ее левом запястье татуировку с мужским именем Костя. «Видимо, тоже из лагерей», — подумалось ему. От этого незнакомка сразу стала ближе и роднее. В присутствии народа заговорить не рискнул, но, выйдя за ней из автобуса, представился и завел разговор.

Красавицу звали Светланой. В Отечественную прослужила несколько месяцев связисткой под Сталинградом, затем вышла замуж за ротного и по бе-

ременности была демобилизована. Мужа с фронта не дождалась. После какого-то сражения тот пропал без вести. Вышла замуж во второй раз, родила еще троих, но семейная жизнь опять не сложилась. От алкоголика толку было мало, детей с таким не поднимешь.

Узнав, что зимы в Грузии теплей, чем на Дону, а фрукты и овощи почти даром, решила перебраться с матерью и детьми в Ткварчели. В лагерях не была, а наколка на руке просто дань моде. Почти все девчонки в довоенное время кололи себе имя любимого на руке. За неимением такого набила имя двоюродного брата.

Шестерых братьев и сестер потеряла еще в тридцатые годы. Все они умерли от болезней и голода во время раскулачивания, а тот самый Костя по сей день учителствует в городе Новошахтинске. Сегодня приехала устраиваться на работу официанткой в привокзальный ресторан.

Владимир понимал, что рано или поздно такая красавица станет чьей-то любовницей или вовсе пойдет по рукам. Допустить этого он уже не мог, потому как чувствовал, что женщина эта создана именно для него.

— Вы бы повременили с работой в ресторане. Намерения у меня серьезные, через неделю вернусь из столицы, встретимся и все спокойно обсудим.

Видимо, и у Светланы что-то екнуло в душе — не заходя в ресторан, она вернулась домой. Проговорив весь вечер с матерью о новом знакомом, твердо решила дожидаться его из Тбилиси. Пролетела неделя, в дверь их скромного жилища постучались. Он вошел без обычного набора кавалера — букета цветов и бу-

тылки красного вина, но зато с маленьким чемоданчиком, в котором для каждого ребенка было приготовлено в подарок что-то из одежды.

Эта забота о чужих детях не могла не тронуть сердце одинокой женщины.

«С таким мужчиной не пропадешь», — подумала она.

Влюбленные стали жить вместе. Через несколько месяцев многодетной семье руководство шахты вручило ключи от огромной квартиры в доме № 8 по улице Орджоникидзе. Владимир после травм и различных болезней, приобретенных в лагерях, не рассчитывал на собственного ребенка, потому так легко решился на усыновление чужих, но, к его неопишуемой радости, Светлана забеременела и родила мальчика. Через месяц новорожденного тайно окрестили и назвали Георгием.

Глава 3

Картинки из детства

Детство мое, как и у всей ткавельской детворы, было беззаботно-счастливым. Игры во дворе до позднего вечера, дальние походы в горы или к водопаду, драки с «ущельскими» пацанами закаляли и формировали характер. В память врезались и остались несколько трагических эпизодов из того далекого прошлого.

Вспоминается побелевшее, перекошенное от ужаса лицо отца, с двустволкой в руках, перед водителем, сбившим его сына.

— Ребенок жив?

— Да, — виновато отвечает он.

— Тогда и ты жив...

Мама, голосящая надо мной у грузовика, которую я успокаиваю тонким голосом:

— Не плачь, мамочка, мне совсем не больно.

Бог миловал — все обошлось царапинами, легкими ушибами и смятым под колесом автомобиля детским ботиночком, который еще долгое время зачем-то хранился в семье.

Через год после этого случая мама забеременела вновь, но, спускаясь по лестнице неосвященного подъезда, споткнулась и упала на живот. Во время преждевременных родов девочку спасти не удалось.

Перед моими глазами временами появляется крохотный гробик, в котором лежит похожая на красиво наряженную куклу сестричка Надежда.

Помню и то, как, подслушав разговоры взрослых о том, что не сегодня завтра не станет моей любимой бабушки Пелагеи, в отчаянии срываюсь в находящуюся неподалеку больницу и, теребя врачей за полы белых халатов, слезно причитаю:

— Скорее, скорее, моя бабушка умирает!

Бабушку похоронили рядом с сестричкой Надеждой...

Жить с пятью детьми только на зарплату отца было почти невозможно, поэтому мать, рискуя загреметь в тюрьму за «нетрудовые доходы», занялась шитьем женских платьев. Конкуренции в городке не было. Потихоньку образовался круг постоянных заказчиков, но денег все равно не хватало. Странное дело, у отца,

пострадавшего от репрессий, на стене висел портрет Сталина. В то время это уже не приветствовалось. Семья постоянно находилась под двойным ударом. «Нетрудовые доходы» Светланы и необъяснимая симпатия Владимира к вождю всех народов в любой момент могли испортить счастливую жизнь. Поэтому при неожиданном стуке в дверь швейная машинка и портрет срочно прятались в огромный сундук, стоящий в дальней комнате, а после ухода нежданных гостей все возвращалось на свои места. Так и жили.

Глава 4

Первая кража

В начальных классах мне посчастливилось познакомиться со старичком филателистом, проживающим в соседнем дворе. Частенько я забегал к нему в гости и погружался в фантастический мир марок, среди которых встречались довольно редкие. Яркие краски и названия экзотических стран завораживали. Можно было часами рассматривать их. Однажды, к великой радости, старичок подарил мне небольшой альбом с несколькими десятками марок.

В тот день у меня родилась мечта собрать лучшую коллекцию среди мальчишек. Я стал откладывать мелочь, которую получал на школьные обеды, и раз в месяц мчался к киоску «Союзпечати». С жадностью рассматривал выставленные на витрине марки, но покупал лишь те, на которые хватало денег. Процесс создания лучшей коллекции становился бесконечно

долгим. Тогда я и решился на первую в своей жизни кражу.

Поздно вечером, отжав «фомкой» окошко киоска, втиснулся внутрь. Без суеты сложил в сумку альбомы с марками и спокойно вернулся домой. Обладание таким богатством радовало настолько, что угрызения совести через день улетучились. Объяснить друзьям и родителям причину резкого увеличения коллекции не представлялось возможным, поэтому долгое время любовался ей в одиночестве.

Естественно, родители с малых лет объясняли, что красть нехорошо, но законы улицы диктовали обратное. Блатных, умеющих придать воровской жизни романтический оттенок, в Ткварчели было предостаточно. Местная детвора восхищалась их прикидом, походкой, манерой говорить. Каждое жаргонное слово впитывалось и оставалось в памяти подростков навсегда. Что такое «хорошо», а что такое «плохо», я усвоил не из стихотворения Маяковского, а из рассказов лагерников о «правильной жизни».

Мне не составляло большого труда время от времени незаметно для старика филателиста уносить из его коллекции такие желанные марочки, но именно уличный кодекс не позволял делать этого. У своих и обездоленных не воруют — точка! Другое дело государственное имущество в виде содержимого киоска «Союзпечати». Сам бог, как говорится, велел.

Вскоре представился случай стать участником еще одной кражи. Перед выходными группой бывалых рецидивистов был вскрыт и ограблен продуктовый склад. Дворовая малышня, прослышав об этом раньше

милиции, нагрянула туда на следующий день. Унесли больше сотни упаковок конфет! Весь день дети близлежащих дворов уплетали дефицитный шоколад.

В понедельник с утра рабочие склада сообщили милиции о взломе. По пустым, разбросанным в городе коробкам из-под конфет уже к вечеру установили виновных в краже. Следуя совету местного авторитета, мелюзга все взяла на себя. Десятилетних пацанов привлечь к уголовной ответственности не могли, поэтому родителям назначили сумму компенсации, погасить которую взялись взрослые воры. В общем, все, включая государство, в накладе не остались...

ГЛАВА 5

Переезд в Тбилиси

Спустя пятнадцать лет после освобождения из лагерей отца наконец реабилитировали, у семьи появилась возможность переехать в столицу. К этому времени сестры Раиса и Татьяна успели выйти замуж, а старший брат Николай жениться. Взяв с собой меня и среднего брата Виктора, родители перебрались в Тбилиси. Отец, в надежде получить квартиру, устроился юрисконсультантом в строительной организации.

Если раньше в Ткварчели он возвращался из шахты в грязных резиновых сапогах и потертом брезентовом плаще, то сейчас щеголял в костюме серого цвета, накрахмаленной рубашке и галстук. Несколько лет мы кочевали по съемным квартирам большого города. И вот, наконец, случилось!